

Дмитрий
ШОСТАКОВИЧ

СЛУЖЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ИДЕАЛАМ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

В архиве исследователя творчества Д. Шостаковича С. Хентовой хранится оригинал его неизвестной статьи «Служение коммунистическим идеалам». Статья была за-
казана в 1967 году к пятидесятилетию Советской власти для зарубежной печати.

Высказанные в ней мысли и положения не утратили актуальности. Они ярко дополняют представление о взглядах, общественной позиции композитора-патриота.

У каждого, кто достигает солидного возраста, наступает момент, когда отдельные «элементы» организма перестают действовать слаженно. Начинаешь замечать, что такое здоровье. В минувшем году я перенес серьезный недуг. Болезнь ограничивает мою активность. Я, конечно, воюю с врачами, но теперь уже не без опаски: у меня столько творческих желаний, что хочется продлить жизнь. Вот почему среди других дел я не могу уделить этой статье столько времени и внимания, сколько бы хотел. Не ищите в ней подробной характеристики полувекового пути советской музыки. Это всего лишь беглые мысли, которыми я считаю возможным поделиться с читателем, интересующимся советским музыкальным творчеством.

Револуция определила жизнь моего поколения. Суть творчества. Тематика. Язык. Стиль. А главное, она создала то душевное состояние, тот подъем эмоциональных сил, ту особую душевную «температуру», которая всегда поднимает творчество над обыденной житейской суетой, над буднями повседневных забот и дел.

Мы рано стали взрослыми и приучились принимать самостоятельные решения. Родители, любя, не вели нас за ручку, обходя бурное море событий. Они сами, вольно или невольно, становились их участниками. Время было не только бурное, мятежное, но и трудное: голодное, холодное. Мы долго не знали, что такое сытость, приемы были довольствоваться малым и не сетовали, рано познав, что великие цели требуют лишения и мужества.

Револуция закалила нас, и эта закалка — духовная, физическая — помогала потом долгие годы, ибо ведь замечено: детство не умирает в человеке. Накал революционных событий, вероятно, объясняет необычайную остроту, рельефность некоторых моих детских впечатлений. В десятилетнем возрасте я слышал речь Ленина. Это было 3 апреля 1917 года. На площади у Финляндского вокзала петроградские рабочие, солдаты, матросы ждали возвращения Ленина из эмиграции. Мать не могла удержать меня дома. Я присоединился к одной из колонн, шагавших через Литейный мост на вокзал. Меня, понятно, оттесни-

ли, и я плохо разбирал слова, которые произносил Ленин, стоя на броневике, окруженном матросами. Уже после Октябрьской революции, свершившейся спустя полгода, я прочитал Апрельские тезисы Ленина — программу революции, изучаемую сейчас каждым советским студентом.

С тех пор — не скрою — я лелеял смелую, честолюбивую мысль: воплотить в мужестве образ Ленина. Решившись на это спустя много лет, в Двенадцатой симфонии, но и сейчас не считаю задачу выполненной: личность Ленина — идеал человека-борца. Ему нет равных.

Страна строила новое общество. Хотела покончить с извечными бедами человечества: неравенством, насилием, войной. Хотела сделать человека свободным и счастливым.

Мы все понимали: это требовало необыкновенно великого искусства. Но какого? Это нам представлялось не очень ясно. Отсюда пестрота исканий двадцатых годов, колебания и крайности. Оглядываясь назад, видишь, как многое было ниваним, слабым. Плакатное искусство захватило театр, живопись и отразилось в музыке. Плакатность нередко приводила к примитиву. Хотелось, чтобы музыка доходила до каждого, была абсолютно понятной. Револуция родила множество замечательных песен, волнующих правдой выражения чувств и поныне, прежде всего песен револю-

После смерти моего отца семья моя жила бедно. Мне приходилось играть в кинематографе. Пришлось даже продать роуль. Я нуждался в одежде, обуви. Но разве в молодости замечаешь бытовые тяготы?

Я учился. Слушал великолепные концерты в Ленинградской филармонии. Сам выступал как пианист: тогда я мечтал о карьере концертующего артиста. У меня было много друзей.

Кругом чувствовалась атмосфера подъема. Возводились новые заводы, фабрики, возникали в пустынных местах новые города. Яркие личности работали в литературе, театре. Жизнь светила меня с поэтом Владимиром Маяковским, режиссером Всеволодом Мейерхольдом, выдающимся музыковедом Иваном Соллертинским, военным деятелем маршалом Михаилом Тухачевским...

Работалось мне смело, свободно. С задором молодости я ставил перед собой все новые задачи — от инструментальных пьес перешел к опере, пробовал силы в программной симфонии, вокальной музыке. Можно сказать, я находился в состоянии творческого воодушевления. Думаю, что это было всеобщее состояние моего поколения. В тридцатые годы завоевали известность ряд замечательных советских композиторов, расцвело музыкальное искусство национальных республик — украинское, белорусское, армянское, азербайджанское, грузинское. Советское музы-

кальное творчество вступало в пору зрелости.

Возвратился на родину Сергей Прокофьев. Он не мог больше оставаться за рубежом, оторванным от родной почвы: по моему твердому убеждению, Прокофьев всегда был и остался глубоко национальным художником, питавшимся русской природой, жизнью родного народа. В тридцатые годы он создает великолепные сочинения, среди них — классический балет «Ромео и Джульетта». Влияние его творчества и личности чувствовалось сильно. Я преклонялся пред Прокофьевым, восхищался им, изучал все, что он писал.

Как суммарно охватить до-военное советское музыкальное творчество — я имею в виду период до 1941 года, до начала Великой Отечественной войны?

Оставим это на долю историков музыки. Скажу о своих личных выводах.

Вперед шло симфоническое творчество, а также кантатно-ораториальное и инструментальное (нельзя не вспомнить превосходные концерты Хачатуряна — для скрипки, для фортепиано с оркестром). Были удачные в опере, но меньше, что объяснялось, как мне кажется, общим кризисом оперного творчества, до сих пор не преодоленным. Некоторое время мы увлекались сперва Кшесенка, Берга — я, в частности, испытал влияние этих мастеров. Но они — эти влияния — не могли определить пути советской оперы. Повторять старое, освоенное не хотелось, а новое еще не

оформилось, не сложилось, не созрело...

Война пришла в мой родной Ленинград бомбежками, артиллерийским обстрелом, голодом. С болью и гордостью смотрел я на любимый город. А он стоял, опаленный пожарами, закаленный в боях, испытавший глубокие страдания войны, и был еще более прекрасен в своем суровом величии. Как было не любить этот город, воздвигнутый Петром и завоеванный для народа Лениным, не поведать миру о его славе, о мужестве его защитников... Моим оружием была музыка. Мне захотелось создать произведение о наших днях, о нашей жизни, о советских людях, которые не жалеют сил и жизни во имя победы над врагом. Работая, я думал о величии нашего народа, о его героизме, о лучших идеалах человечества, о прекрасных качествах советского человека, о нашей прекрасной природе, о гуманности, о красоте, о том, во имя чего мы ведем борьбу.

Часто в перерывах между работой я выходил на улицу. Иногда основательно удалялся от дома, забывал, что нахожусь в осажденном городе, подверженном регулярному артиллерийскому обстрелу, бомбовым ударам. Возвращаясь я с прогулки по осажденному городу полными новыми впечатлениями, обуреваемый страстным желанием работать и работать, скорее внести ощутимый вклад в борьбу, которую так самоотверженно вели ленинградцы.

Июль, август, сентябрь... За три месяца я написал четыре пятых своей Седьмой симфонии. К концу года она была закончена. Симфония впервые исполнялась в городе Куйбышеве на Волге. Но исторической премьерой справедливо считается день 9 августа 1942 года, когда сочинение звучало в осажденном Ленинграде.

Один из моих биографов, ленинградский музыковед Софья Хентова, в недавно вышедшей книжке так кратко описывает волнующие факты и события первых звучаний Седьмой симфонии: «В этот день по гитлеровским планам фашисты должны были захватить Ленинград. Блокада сжимала город. Героизм стал буднями. Партию Седьмой симфонии доставили самолетом сквозь кольцо блокады.

Приглашение на первое исполнение симфонии получили лучшие солдаты и командиры подразделений, оборонявших город. Фашистские снаряды нередко падали у самых стен филармонии на улице Бродского. Но в этот вечер улица Бродского и площадь Искусств не обстреливались. Командующий Ленинградским фронтом генерал Говоров отдал специальный приказ артиллеристам: подавить огневые позиции противника, заставить их замолчать.

Оркестр собиравали, вызывая бойцов-музыкантов с передовой линии фронта. Работал с ними дирижер радиокомитета Карл Ильич Элиасберг, всю блокаду он оставался в Ленинграде. Музыка симфонии звучала по радио.

Из разных сторон в Москву поступали запросы с просьбой прислать партитуру. Ее снимали на фотопленку и отправляли по сложным маршрутам военного времени. Самолетом через Иран, Ирак, Египет, затем через всю Африку, на корабле, обходя минные поля, пересекая Атлантический океан, фотокопия попадает в Нью-Йорк. Здесь ее ждут замечательные дирижеры — Тосканини, Стоковский, Кусевицкий. Семидесятилетний Артуро Тосканини три дня не выходит из своего кабинета, знакомясь с партитурой. На пятый день после получения партитуры Тосканини знает ее наизусть. Великий дирижер первым за рубежом исполняет симфонию со своим превосходным оркестром.

Из США копия партитуры попадает в Лондон. 22 июня 1942 года симфония звучит в исполнении оркестра под управлением Генри Вуда в присутствии десяти тысяч человек — солдат, летчиков, моряков, рабочих военных заводов.

Потом самолетом партитуру доставляют в Стокгольм. Советский посол Александра Михайловна Коллонтай вручает ее дирижеру и пианисту Добровейну — выходя из России, тому самому музыканту, который когда-то на квартире Горького играл бетховенскую «Аппассионату» Ленину. В Швеции первыми исполнителями симфонии были не знаменитые оркестры, а скромный симфонический оркестр из рабочего города Гетеборга.

Я позволил себе столь подробно остановиться на истории Седьмой симфонии не потому, что считаю ее лучшей в своем творчестве: не мне судить о качестве своих произведений. Симфония особенно дорога мне тем, что, как никогда раньше, я ощутил общественное значение своего труда, возможность участия в справедливой войне средствами своего искусства. Не зря я работал: музыка помогала бороться за правое дело. Это было для меня нравственной наградой. Я удваивал, утраивал усилия: во время войны написал ряд сочинений разных жанров — фортепианное, восьмую симфонию, Второй квартет, романсы, кино- и театральную музыку. Ставил своей задачей музыкальное воплощение образов трагических, величественных. Хотел показать и передать трагедию войны, борьбу добра и зла — это темы Седьмой, Восьмой симфоний.

Мне кажется, я никогда специально не задумывался о языке своих сочинений. Прост он или сложен? Доступен или недоступен? Всякое самоограничение и самоконтроль могли привести лишь к искусственности. Мелодии возникали в моем сознании, как следствие душевных состояний. Мелодия — это не только набор звуков разной высоты и разной длительности. Такое опреде-

ление есть у кого-то из старых музыковедов, я не помню, у кого, но я слышал такое нелепое определение. Мелодия — гораздо большее: это мысль, это движение, это душа музыкального произведения. Талант композитора мы узнаем потому, насколько впечатляюще и оригинально его мелодии. Мелодия не умрет, пока будет жить музыка.

В 1948 году меня упрекали в неоправданной условности сочинений. Меня резко критиковали. За рубежом нередко, не без любопытства у меня спрашивали, как я относился к этой критике, не мешала ли она. Ответу: нет, не мешала, хотя, конечно, я огорчался, переживал: кто же не огорчается в таких случаях? Помогали несколько свойств, выработанных с юности. Трудиться всегда, независимо от того, ругают ли тебя или хвалят. Не ставить работу в зависимости от успехов, величественных. Хотел показать и передать трагедию войны, борьбу добра и зла — это темы Седьмой, Восьмой симфоний.

Опыт и годы приучили меня считаться с мнениями, но не изменять себе. Если веришь в необходимость и правдивость того, что делаешь, осуществлять свои идеи на деле, не на словах, и тебя в конце концов поймут. Я испытал немало горьких минут, не раз разочарывался в тех, кто казался мне близкими людьми по творческим воззрениям. Но

не могу жаловаться: я знаю и верных друзей, сподвижников, единомышленников, сочувствие и поддержка которых мне помогали. Судьба не обделила меня верностью и дружбой, а это очень важно для творца: не быть одиноким.

Одним из важных завоеваний советской композиторской школы является дух коллективизма. Мы все составляем Союз советских композиторов. Мощную творческую организацию, пользующуюся огромной поддержкой государства. Каждое сочинение обсуждается секциями союза: оперной, камерной — инструментальной музыки, детской музыки и т. д. Мы не знаем трудностей исполнения: лучшие оркестры и солисты всегда к нашим услугам. Периодически проводятся фестивали советской музыки, показы композиторского творчества в Москве, Ленинграде и других городах страны. Государство покупает у нас сочинения, оплачивая их, помимо гонорара, который мы получаем за издание и исполнение. Для работы композиторов предоставляются отдельные дома и полное обеспечение в живописных местах — там круглый год функционируют специальные дома творчества и отдыха композиторов.

Все это — тоже завоевания революции — такие замечательные творческие условия, постоянная забота государства о развитии музыкальной культуры.

В сороковые — пятидесятые годы советская композиторская школа заняла одно из передовых мест в мировом музыкальном искусстве. Пусть нас обвиняли, да и ныне иногда обвиняют в ретроградстве! Мы действительно не принимаем крайности так называемого модернизма, подчеркиваю — крайности, фокусы, формализм — этого мы не принимаем. Наше творчество продолжает классические традиции. Но мы отнюдь не стоим на месте, отнюдь не изолированы от достижений выдающихся зарубежных композиторов. К нам пришло творчество Мийо, Онеггера, Хиндемита, Вилла Лобоса, Бартока, Бриттена... Мы становимся сейчас старшим поколением, а молодежь предпринимает свои опыты, смелые, порой спорные. Что ж, таков естественный ход событий. Но есть истины, одинаково обязательные и важные для всех советских композиторов. Это активное служение народу. Ответ на его нужды и чаяния. Не плоская злободневность агитки, а настоящая актуальность творчества, помогающая советскому человеку строить новое общество. Как и в первые годы революции, так и сейчас, спустя полвека, мы решительно отвергаем независимость композитора от реальной жизни. Великая и трудная цель у моего народа. Как же я могу стоять в стороне от нее, поставив себя в позицию наблюдателя, и не считать достижение этой цели и своей жизненной задачей? Что из того, что путь не гладок и не без рытвин и ухабов, не без потрясений? Частности не должны заслонять целого, недостатки и ошибки не должны обескураживать. Полвека развития вывели людей. Мы твердо и убежденно декларируем партийность советской музыки как служение коммунистическим идеалам, самым справедливым идеалам на земле.

Публикацию подготовила С. ХЕНТОВА.